

Человек, отдавший жизнь Камчатке

К 100-летию со дня рождения Б.И.Пийпа

Борис Иванович Пийп (1906—1966).

Борис Иванович Пийп — член-корреспондент АН СССР, геолог и вулканолог с мировой известностью, организатор и первый директор Института вулканологии АН СССР на Камчатке. Имя ученого присвоено бульвару, на котором находится институт.

В.Б.Пийп,

доктор геолого-минералогических наук

Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

Борис Иванович родился в Петербурге 6 ноября 1906 г. Его отец происходил из эстонских крестьян, мать умерла, когда мальчику было два года. Отец до революции работал столяром-краснодеревщиком, а после революции — слесарем на разных заводах Петербурга.

В 1924 г. Борис Пийп поступил в Ленинградский механический техникум. В 1926 г., с открытием свободного приема в высшие учебные заведения, поступил по конкурсу в Ленинградский горный институт, который окончил в 1931 г. со званием горного инженера-петрографа. Был оставлен на кафедре петрографии в аспирантуре

и окончил ее в 1934 г. В 1932 г. параллельно с аспирантурой работал в Институте прикладной минералогии, где занимался изучением кернов месторождения горы Магнитной. В результате были открыты ранее неизвестные здесь минералы (корунд и маргарит) во вмещающих контактовых породах. В Горном институте вел педаго-

© Пийп В.Б., 2006

Фотография А.Н.Заварицкого с дарственной надписью. Конец 40-х годов.

гическую работу, но в 1936 г. в связи с экспедициями на Камчатку, требовавшими длительного отсутствия, вынужден ее прекратить.

Событие, которое определило ход всей дальнейшей жизни Бориса Ивановича, произошло в 1931 г.: его пригласил академик А.Н.Заварицкий в Камчатскую экспедицию. Уже самое первое впечатление от Камчатки оказалось необыкновенно сильным: «Вечером вошли в Авачинскую бухту (они плыли на пароходе из Владивостока в Петропавловск. — В.П.). На фоне синих моря и неба выступают черные силуэты гор, увенчанных снегом. Громады Коряки и Авачи потрясающе величественны». Эта цитата и все следующие выдержки — из полевых дневников, которые Борис Иванович вел всю жизнь. Это не только научные заметки. В дневниках яркие и точные описания природы, обстоятельств жизни и характеристики людей.

Во время экспедиции, продолжавшейся с 26 июня по 29 сентября, изучались вулканы Авачинской группы — первое детальное исследование дейст-

вующих вулканов Советского Союза. Команда, состоявшая из пяти ученых и нескольких рабочих, выполнила морфологическое и геологическое описание вулканов, составила карту кратера вулкана Авача, сделала множество зарисовок и фотографий. В кратере проводились измерения температуры фумарол, отбор газов, возгонов и образцов горных пород. Работа была безумно тяжелой: «дьявольски замерзли... порывистый ветер сшибал с ног... смертельная усталость...», но Борис Иванович пишет о работе с юмором: «Я принялся за свои засечки (работа с картой. — В.П.). Засек все вершинки краев кратера, выступы скал и границы осыпей. Испещрил всю бумагу длинными линиями и точками. Засечки получились хорошо. У меня безумная любовь к таким графическим работам, даже от волнения дрожат ноги. Правда, ноги дрожат отчасти еще и от холода». А еще с чувством благодарности к судьбе: «обдумывая все виденное, радуешься, что попал на такое благодатное для петрографа место, да еще под руководством такого мастера, как Александр Николаевич». Заварицкого отец считал своим учителем и подчеркивал это всю свою жизнь.

Один из лагерей находился в атрио Авачинского вулкана (атрио — кольцевая долина, расположенная между центральным конусом и окаймляющим его кольцеобразным гребнем древнего вулкана. — В.П.), отсюда в течение 25 дней Борис Иванович совершил 17 восхождений в кратер: «Не думал, что придется так много поднимать себя на 725 м вверх».

Тогда же летом 1931 г. по просьбе Заварицкого Пийп самостоятельно изучил близлежащие Нальчевские термы. Камчатка оказалась настолько интересной, что он решил посвятить ей все свое время, силы и способности. «Взобрался на Никольскую гору (сопка в центре Петропавловска-Камчатского. — В.П.) и оттуда, любуясь па-

норамай, лесами и горами, долго шептал себе слова клятвы, что этой стране я посвящаю себя. Я ее раб до последних дней своей жизни».

В начале 30-х годов было очень трудно получить деньги на чисто научные вулканологические исследования. Работы должны обязательно иметь практическое приложение. В 1933 г. отец возглавил вулканологическую экспедицию в кальдере Узон, расположенную в труднодоступном районе центральной Камчатки: «На Узоне нужно максимум внимания уделить фумаролам и горячим водам. По геологии достаточно сделать два разреза кальдеры. Топографу надлежит, разбив геометрическую сеть, нанести на карту все выходы фумарол и горячих источников, что позволит выявить закономерности в их расположении. При исследовании фумарол нужно будет применить закопашки и, может быть, воспользоваться небольшим буровом, чтобы исследовать материал, главным образом, грязевых вулканов. При сборе газов можно будет производить некоторые качественные и, может быть, грубые количественные измерения, но главное внимание нужно обратить на бор, в котором промышленность СССР испытывает острую необходимость».

К сложностям работы на Камчатке прибавлялась еще и тяжелая экономическая и политическая обстановка в СССР: «В этом году (1933 г. — В.П.) отъезд зловеще затягивается. Положение сейчас несравнимо худшее, чем это было в 1931 г. Денег нет, оборудования получили процентов на 20—30, и впереди, во Владивостоке и на Камчатке, тревожная неопределенность. Казалось, не стоило бы и ехать, но непреодолимая любовь к далеким вулканам и страстное желание опробировать себя на этом благодатном научном поприще понуждает все же ехать. <...> Случайно встретил знакомого. Разговорились, и тут я уз-

нал об одной ошеломляющей новости. Оказывается, все те, которых я знал лично или по фамилиям в Петропавловске в 1931 г., уже давно арестованы. Среди них Новограбленов, Огородников, Комаров, Дягилев и другие. Какое обвинение, никто не знает. Дальнейшей их судьбы никто не знает».

Но, несмотря ни на что, 7 июня экспедиция выехала из Ленинграда, 17-го прибыла во Владивосток, 13 июля они отплыли в Петропавловск, 21-го были в Петропавловске, 7 августа начали двигаться на лошадях на Узон, 5 сентября были на Узоне, 22-го начали двигаться назад и 21 октября прибыли в деревню Налычево. На Камчатке в октябре уже зима: «Снегом засыпало нашу палатку и наш костер». Итак, почти четыре месяца дороги и две недели работы.

Экспедиция была очень трудной: «Вечером хоть и смертельно уставший, стал наносить на карту проделанный маршрут. Набросал контур, но доделать не смог. Страшно тянуло спать. Сплю страшно мало. Поздно ложусь и рано встаю — надо торопиться».

Приходилось испытывать лишения в еде, уже по дороге на Узон закончились крупа, сухари и соль. «Есть нечего — и мясо кончилось. Ребята наварили целое ведро грибов. Каждому пришлось по полной миске. С удовольствием глотали опять эту грибную слизь». Через три дня: «Вечером опять грибы, которых я уже не могу есть, так они опротивели». Но несмотря на отсутствие соли и любой иной пищи, кроме мяса время от времени, все были веселы. Борис Иванович пишет в дневнике: «Под вечер небо стало изумительно чистым. Этот контраст синего неба и зеленых лесистых увалов так сильно меня волнует, что ради этого я готов отдать все радости свои. <...> И тут стал ощущаться соленый запах моря. Вернее, даже не моря, а океана, величественного Тихого океана. Через несколько минут мы были

Б.И.Пий в Ленинградском Горном Институте. 1928 г.

Здесь и далее фотографии из личного архива

на берегу лимана. При вечернем заходящем солнце в этом ландшафте было столько красоты, что мы были вознаграждены за все мучения перехода через сотни болот».

Теперь каждое лето он выезжал из Ленинграда в поле на Камчатку. По результатам работ в 1935 г. был написан очерк о термальных ключах Камчатки, который послужил основой для кандидатской диссертации.

В 1940 г. Борис Иванович снова приехал на Камчатку, на этот раз на длительный срок в качестве начальника Камчатской вулканологической станции в поселке Ключи. Здесь его застала война. Он не имел связи с семьей в течение шести лет и думал, что все погибли. В сентябре 1946 г. мы встретились с отцом в Таллине. Это был ху-

дощавый молодой человек. Ему было 40 лет.

За трудное военное время с различной степенью детальности были исследованы вулканы Жупановский, Кизимен, Кинчоклок, Шивелуч, вулканы Ключевской группы и 18 групп термальных источников, расположенных по всей Камчатке. Полевые работы проводили не только летом на лошадях, но и зимой на собаках.

Ранней весной 1943 г. состоялась экспедиция на север Камчатки на собаках. Записи полны описаний бедности местных жителей: «Остановился у Дмитриевны. Распрягли собак, втащили вещи в дом и стали чаевать. Опять обычная пища: хлеб, соленая рыба, чай и сахар в прикуску. <...> Сходил к Ивашеву. Он живет со своей новой женой — учи-

В лагере, расположенном в атрио Авачинского вулкана. Слева направо: М.Г.Платунов, В.Кулаков(?), Л.Добрецов(?), Б.Пийп. 1931 г.

Работа на термальных площадях. Конец 30-х — начало 40-х годов.

Схематическая зарисовка вулкана Большой Семячик.

Здесь и далее зарисовки из дневников Б.И.Пийпа

тельницей. Квартира в школе, а школа в церкви. Живут в алтаре». Для собак нужна была сухая копченая рыба — юкола: «В Ивашке весь день пытались найти юколу. Все начальники горячо меня уверяют, что юколы у них нет. Таким образом, все мои надежды на дальнейшее продвижение сразу же отпадают». На следующий день: «Встретил местных начальников, которые, узнав, что я выезжаю обратно в Ключи, сильно заволновались, что им влетит от района за то, что они не помогли экспедиции. После долгих переговоров решили, что 50 юкол дает рыбкооп, 30 юкол и 30 кг наваги дает Дальрыбпром». Деньги в то время были не нужны, валютой была махорка: «В Уке ходил к здешнему завсклада, чтобы достать у него нерпичьих шкур и патронов. Он сначала “жался”, но потом, когда я пообещал ему пачку махорки, обещал дать все, что я просил».

В начале 1945 г. произошло сильнейшее извержение Ключевского вулкана, детально описанное и зарисованное Борисом Ивановичем.

А в июне 1945 г. на восточном склоне Ключевского вулкана образовался побочный прорыв, названный «Юбилейным» в честь 220-летия Академии наук.

Сразу же после начала извержения Борис Иванович выехал туда и работал до окончания извержения. «Вышли наверх к эксплозивным кратерам. Когда мы были уже близко от одного из кратеров, внезапно из него поднялся косо́й черный столб. Все это понеслось на страшную высоту над нами. Чувствуя, что сейчас на нас обрушатся раскаленные бомбы, мы бросились бежать. Конечно, никуда бы мы не убежали, но бегство успокаивало нас. Только мы стали бежать, как увидели, что впереди и вокруг нас стали тяжело шлепаться раскаленные куски шлака. Бомбежка длилась 1—2 с. Пробежав метров 200, мы остановились. Везде вокруг дымились упавшие куски лавы разме-

ром до 0.5 м. Сверху они темные, а внутри раскаленные. Только слепой рок спас нас от смерти. Конечно, можно было бы стоять и смотреть, как падают бомбы и, когда надо, отклоняться от них. Но это было страшнее».

Летом 1946 г. Пийп участвовал в академической аэровулканиологической экспедиции. Он организовал академикам А.Н.Заварицкому и С.С.Смирнову посещение Камчатской вулканологической станции и поездку на Юбилейный прорыв: «Оба академика в восторге от здешнего ландшафта. Сергей Сергеевич говорит, что ничего подобного в жизни еще не видел».

Возвратившись в Москву в 1946 г., Борис Иванович приступил к обработке своих обширных материалов, собранных за пять лет, и к написанию докторской диссертации «Ключевская сопка и ее извержения в 1944—1945 гг. и в прошлом», которую защитил в 1950 г. Ко всем этапам работы он подходил с величайшей тщательностью. Его наблюдения очень точны и выразительны, иллюстрированы не только фотографиями, но и собственными зарисовками, обобщения отличаются полнотой — «изучать вулканы нужно не так, как изучают их некоторые исследователи, в работах которых нет полной картины изучаемого объекта, нет геологии и единой идеи, а есть только не связанные между собой фрагменты обзора литературы, петрографического изучения шлифов и геохимического обзора отдельных элементов».

В 1950—1954 гг. Борис Иванович опять работал в Ключах в качестве начальника Камчатской вулканологической станции. Он любил это место: «Меня тянет в Ключи, где так уютно и спокойно, и где у меня столько милых сердцу воспоминаний». Теперь он приехал туда с семьей. Весной 1950 г. мама, папа, бабушка и мы с сестрой выехали из Ленинграда на Камчатку. Отец для переезда полу-

чил «подъемные» — 20 тыс. руб. Мне тогда было 10 лет, сестре Нине на год меньше. Мы ехали на поезде до Москвы, потом до Владивостока. Поезд шел 10 дней. Помню, как поезд нырнул из туннеля в туннель на берегах Байкала. Отец много курил и вез с собой на Камчатку большой (около 1 м³) ящик папирос «Беломор». Во Владивостоке мы жили в гостинице неделю. Затем на большом немецком трофейном пароходе, высотой с многоэтажный дом, с шикарным рестораном и кинотеатром, отплыли на Камчатку. Плыли семь дней.

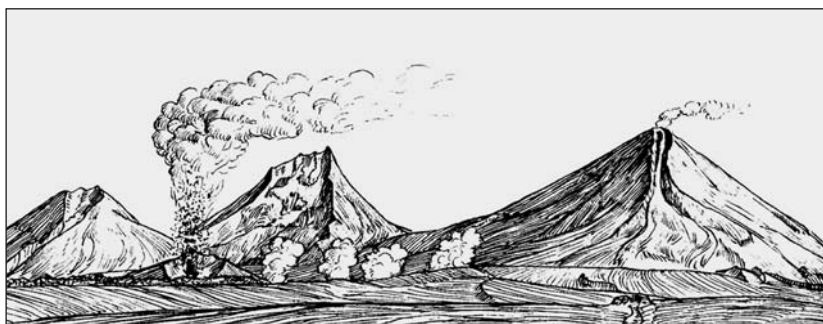
Через несколько дней после прибытия в Петропавловск на небольшом пароходе отплыли в Усть-Камчатск — поселок в устье р.Камчатки. Пароход вез «вербованных». На Украине тог-

Борис Иванович с женой Анной Петровной. Конец 30-х годов.

На Камчатской вулканостанции во время войны.

Вид кратеров Юбилейного прорыва на фоне Ключевской группы вулканов. Июнь 1945 г.

В полной готовности к выезду в маршрут. 1950-е годы.

Основной продукт питания — медведи.

да стоял голод, и многие люди, спасаясь от него, ехали на Камчатку работать. Вербованные размещались в трюме и на палубе. Единственную очень маленькую каюту на пароходе занимала наша семья. Пароход остановился на рейде Усть-Камчатска, и людей в большой «корзине» спускали на плоскую, без каких-либо перил баржу и везли на берег. На поверхности моря плавали небольшие круглые снежно-ледяные лепешки, которые назывались «сало». Из Усть-Камчатска в Ключи ехали два дня по замерзшей реке на двух собачьих упряжках. Это было в апреле, а река была подо льдом. Помню, как шутили местные каюры: «Усть-Камчатск — это Ленинград, а Ключи — Москва». В Ключах мы с сестрой сразу пошли в школу, где проучились 4,5 года.

Отец любил нас, дочерей, и занимался нашим воспитанием. Живя в Ключах, мы с Ниной ежедневно писали дневники, и он проверял их. На летних каникулах по его заданию мы переписывали от руки рассказы Л.Н.Толстого. Отец помогал нам в приготовлении уроков по математике. Вместе с ним мы изучали созвездия по карте, которую он сам начертил. В то время я собиралась стать астрономом.

В 1950—1954 гг. Камчатская вулканологическая станция активно работала и обладала всеми средствами для проведения исследований вулканов. Эта была огороженная территория площадью 15 га, на которой находились два служебных здания (лаборатория и сейсмостанция), а также два жилых дома для сотрудников и «коттедж» начальника станции.

В здании лаборатории располагалась библиотека — отдельная большая прекрасно обставленная комната с множеством книг. На стене висели портреты известных геологов, в том числе большой карандашный портрет академика Левинсона-Лессинга (имя которого носит Камчатская вулканостанция), нарисованный отцом. Здесь на-

Полевые работы в зимнее время на вулканах Ключевской группы (слева направо: Безымянный, Камень, Ключевской).

Типичный камчатский ландшафт в конце октября. 1950 г.

ходила также большая подзорная труба для наблюдений за Ключевской группой вулканов и химическая лаборатория. На территории станции помещались конюшня для семи лошадей, баня, склад. Всегда держали две упряжки собак, которые зимой и летом находились на улице на привязи. На реке стояло несколько рыбалок — небольших построек, где рабочие ловили и коптили рыбу для сотрудников и собак.

Я принимала участие в экспедиции летом 1954 г., будучи ученицей девятого класса. Мы выехали на лошадях, груженых большими вьючными ящиками. Сверху на них сидели люди.

Кроме отца — начальника станции и меня, в экспедиции были два рабочих и зубной врач поселка, которому хотелось ознакомиться с работой вулканологов. Экспедиция направлялась к новому побочному кратеру на подножии Ключевского вулкана — к кратеру академика Белянкина, прорыв которого произошел зимой 1954 г. Мы выехали утром. Среди жителей Ключей наша экспедиция вызвала большой интерес: «Смотри — и тетка едет». Это обо мне.

Ночевали в сухом русле реки. Вода, которую мы использовали для чая, была мутной, цвета кофе с молоком. На следующий день приехали к прорыву Белян-

кина. На альпийском лугу, покрытом яркой зеленой травой и крупными нежно-желтыми рододендронами, поставили палатки. Каждый день на лошадях выезжали к кратеру и лавовому потоку, представлявшему собой высокую гряду больших острых черных обломков засохшей корки лавы. Внутри красным цветом светилась еще неостывшая лавя. Отец теодолитом снимал на карту расположение кратера и лавового потока, собирал образцы лавы, измерял ее температуру, собирал в пробирки газы из fumarol (горячих выходов газа) и образцы возгонов (твердых отложений). Экспедиция продлилась девять дней.

Здание лаборатории на фоне Ключевской группы вулканов.

Зимние развлечения детей вулканостанции.

Обратно в Москву мы вернулись в октябре 1954 г. Летели на самолете примерно неделю с посадками и ночевками в Петропавловске-Камчатском, Магадане, Хабаровске, Иркутске и Свердловске.

В 1955 г. Пийп был одним из организаторов и руководителей совещания, состоявшегося на Камчатской вулканологической станции.

В 1956 г. участвовал в экспедиции АН СССР, которая зани-

малась выбором места бурения на подземный пар на Камчатке и Курильских о-вах. Впоследствии Борис Иванович назначили начальником Паужетской станции АН СССР, созданной для изучения полученных результатов.

1957 г. объявили Международным геофизическим годом, что стало началом международного сотрудничества в геологии и геофизике. Пийп участвовал во многих международных со-

вещаниях и конференциях. С целью изучения хозяйственного использования энергии горячего пара гейзеров он совершил поездки в Исландию и Новую Зеландию. В таких поездках завязывались многочисленные личные научные связи.

В 1958 г. за работы в области вулканологии и геологии Камчатки Борис Иванович избрали членом-корреспондентом АН СССР по Сибирскому отделению.

В 1959 г. Президиум АН СССР постановил создать Камчатскую комплексную экспедицию Совета по изучению производительных сил АН СССР и Камчатскую геолого-геофизическую обсерваторию СО АН СССР. Пийпа назначили начальником первой и директором второй. Оба учреждения пришлось создавать в Петропавловске-Камчатском в отсутствие какой бы то ни было заранее подготовленной базы. В 1962 г. эти два учреждения значительными усилиями Пийпа были преобразованы в Институт вулканологии АН СССР. Борис Иванович обеспечил приезд на Камчатку большого «десанта» (50–60 человек) научной молодежи — выпускников лучших, в основном московских и ленинградских, вузов. Приглашая на работу, он лично проводил собеседование, умел передать свою влюбленность в профессию вулканолога и в Камчатку. На молодых специалистов сильное впечатление произвели внимательность, открытость, доброта и обаяние директора. В результате многие молодые ученые, заключавшие договор на три года, оставались на десятилетия. Пийп гордился своим Институтом, гордился, что у них есть докторский ученый совет по защите диссертаций, что в Петропавловске-Камчатском проводятся крупные научные всесоюзные и международные конференции.

В последние годы он занялся изучением истории Камчатки, составил хронику исследований Камчатки русскими и иностранными путешественниками и со-

Участники Вулканологического совещания на вулканостанции в Ключах. 1955 г.

бирал исторические книги на эту тему.

Борис Иванович умер 10 марта 1966 г. в Петропавловске-Камчатском во время своего доклада о поездке в Новую Зеландию. Деля доклад, он внезапно потерял сознание и упал. Когда к нему подбежали, сердце уже не билось.

Борис Иванович Пийп, мой отец, был увлеченным и целеустремленным исследователем вулканов, геологии и природы Камчатки. Он ставил себе кон-

кретную цель и сам ее осуществлял, организовывая экспедиции. Собственноручно собирал образцы, измерял температуру лавы, снимал на карту лавовые потоки, в полевых условиях проводил химические анализы, зарисовывал и фотографировал. Он владел всей техникой полевых исследований, включая теодолитную и геологическую съемку. Человек, способный организовывать экспедиции в такое сложное время и в таких сложных условиях, должен об-

ладать множеством замечательных качеств, сочетание которых отличает настоящего исследователя-путешественника. Это и целеустремленность в научном познании, и организаторские способности, и доброжелательность и любовь к людям, и разнообразные познания и умения, которых требует жизнь в безлюдных диких местах, и, наконец, это смелость и даже героизм, но вместе с тем мой отец был очень скромным и мягким человеком. ■